

Novozhenova, Zoya

Быть или не быть: от полнзначности к нулю : проблема связки в современной теории русского синтаксиса

Linguistica Brunensia. 2022, vol. 70, iss. 2, pp. 21-34

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/LB2022-2-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.76873>

License: [CC BY-NC-ND 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20221114

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Зоя Новоженова

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ: ОТ ПОЛНОЗНАЧНОСТИ К НУЛЮ. ПРОБЛЕМА СВЯЗКИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ РУССКОГО СИНТАКСИСА

TO BE OR NOT TO BE: FROM THE FULL VERB TO ZERO.
THE PROBLEM OF THE COPULA IN THE CONTEMPORARY
THEORY OF RUSSIAN SYNTAX

ABSTRACT

In the article the author examines one of the central problems of the Russian syntax – the problem of the copula. The point is made, that the comparative analysis of syntax in Slavonic languages conducted by R. Mrazek allowed him to call neutralizing or absence of the verbal predicate in the sentence the distinctive feature of Russian sentence. In the article the author describes different aspects of the problem: the list of copulas, their functions in the sentence, their meanings and roles in organizing of the structure and shaping of the semantics of the sentence. The author states, that diversity of the approaches to the copula is determined by multidimensional nature of the verbal component in the sentence. The verb can perform different functions in the sentence: propositional, predicative, copulative and/or predicative function, thus it can play the role of the predicate, modifier, explicator, compensator, complicator and/or copula. Contemporary understanding of the copula is given with syntactic tradition in the background.

KEYWORDS

problem of copula; R. Mrazek; verbless: “distinctive feature of Russian sentence”; theoretical interpretation of copula; full verb; zero link-copula

1. Основное внимание Р. Мразека, как известно, было сосредоточено на простом предложении, проблематике пассивных конструкций, содержательной стороне славянского предложения в сопоставительном плане. Анализ семантической организации предложения строится ученым на принципах деривационного

синтаксиса, позволяющим ему сравнить факты разных славянских языков: «Любое конкретное высказывание так или иначе соотносительно с тем или иным ядерным предложением – конструкцией» (МРАЗЕК 1990, 21). Принципиальным методическим тезисом его исследований стало утверждение, что «одинаковые структуры денотативных ситуаций получают при сообщении – начиная с пропозиции и вплоть до реализации данного конкретного сообщения – в разных славянских языках зачастую неодинаковое структурно-конструктивное оформление» (МРАЗЕК 1990, 19).

Именно сопоставительный анализ позволил Р. Мразеку назвать выразительные особенности русского предложения, носящие системный характер: подавление или отсутствие предикативного компонента базового комплекса (См. BAUER, MRÁZEK, ŽAŽA 1979). Уделяя основное внимание в своих исследованиях именным компонентам в предложении, Р. Мразек, однако, фиксирует и различия в природе глагольного и связочного компонента в разных синтаксических конструкциях.

Так, исследуя «собственное именное сказуемое» и «несобственное именное сказуемое», он делает ценные замечания относительно природы связки и глагола в русском предложении. Анализируя собственное именное сказуемое в предложениях *Наша жизнь будет радостная/радостной, Он был знаменитый дирижер/знаменитым дирижером*, автор пишет: «в современном русском языке предикативный творительный при выраженной связке (фактической связкой мы признаем только глаголы *быть, бывать, являться*) весьма распространен» (МРАЗЕК 1961, 57).

Таким образом Р. Мразек признает, во-первых, наличие в русском языке выраженной или невыраженной связок, и, во-вторых, сокращает объем связок, ограничивая его только глаголами *быть, бывать, являться*. Анализируя «несобственное именное сказуемое», *Разлука была без печали, Мы против войны, Он дома*, ученый обращает внимание на динамику перехода связки в знаменательный глагол при выражении предикативной функции под влиянием приглагольного компонента: «Следует, впрочем, заметить, что глагол *быть* (даже невыраженный) при таких обстоятельственных сказуемых более или менее теряет свой связочный характер и становится знаменательным глаголом, так что по мере этого в адвербиальном падеже «восстанавливается» его примарная значимость, а именно обстоятельства. Грамматическую, связочную функцию он сохраняет, главным образом, тогда, когда адвербиальный падеж (наречие) обозначает фактическое ингерентное качество подлежащего, и поэтому мог бы заместиться прилагательным (напр. *Разлука была без печали > не была печальной; Деревья были словно из золота x словно золотые.*»). Сказуемым, однако, лучше всего признавать во всех подобных случаях сочетание глагола *быть* + обстоятельственного выражения, а если глагол в русском языке в предложениях со значением настоящего времени не выражен,

тогда эту предикативную функцию выполняет нулевой глагол + обстоятельственное выражение, напр. *Он дома, Секретарь сейчас у директора*». (МРАЗЕК 1961, 57–58).

В фундаментальном труде Р. Мразека «Синтаксис русского творительного падежа (структурно-сравнительное исследование)» значимой частью исследований творительного предикативного в русском языке является описание неполнозначительных глаголов с предикативным определением (с. 208, 214, 221, 225–227, 237–238) и полнозначительных глаголов с предикативным определением (с. 208, 211, 214, 221, 227–229, 239–240) (МРАЗЕК, 1964). Специфика глагольного элемента в такого типа конструкциях получает детальную характеристику и выявляет его зависимость от именного компонента.

Наиболее полная оценка глагольной связки в простом предложении была дана Р. Мразеком в его известной статье «Проблема сказуемого и его классификации (на материале русского и чешского языков)». Именно в этой статье был выдвинут ряд принципиальных положений, касающихся роли глагола (полнозначительного или связочного) в простом предложении. Во-первых, Р. Мразек выступает против отождествления предикативности и глагольности, и тем самым признает наличие в русском языке предложения без глагола, без связки. Вторым существенным положением, высказанным Р. Мразеком, является утверждение: «считать связкой вообще только глагол *esse* – *быть* во всех временных значениях, когда он выражает лишь грамматические значения, что в именном сказуемом бывает в подавляющем большинстве случаев. В противоположность довольно распространенному мнению следует признать, что его видовой вариант *бывать* в тех же случаях имеет также чисто связочное значение. В современном русском языке как связка выступает ещё глагол *являться*... Все другие глаголы, даже с весьма широким или побледневшим лексическим значением, не являются связками. Если они выступают, например в русском языке, на месте связки, тогда это глаголы-заемители связки» (МРАЗЕК 1958, 12–13). В-третьих, к глаголам-заемителям связки, в понимании Р. Мразека, можно отнести лишь меньшую часть всех полужназначительных глаголов, в том случае, если они замещают связку *esse*.

Центральным в теории сказуемого становится понятие синсемантического глагола и предикативного детерминанта. Ученый приходит к пониманию необходимости «видеть сказуемое как синтаксическую, а не семантическую категорию всегда в глаголе (за исключением чисто «связочного»)» (МРАЗЕК 1958, 20).

Таким образом, Р. Мразек отказывается от слишком широкого понимания именного сказуемого и призывает часть его отнести к глагольному сказуемому. Однако синтаксистов не остановил «приговор» Р. Мразека, что «вносить в синтаксис семантически-лексическую точку зрения в качестве решающего критерия является порочным» (МРАЗЕК 1958, 28).

Обозначенные нами теоретические рассуждения Р. Мразека стали стимулом для дальнейших поисков в области типологии простого предложения, в том числе и в сфере глагольной связки.

2. Проблема синтаксической связки выдвигается как одна из «узловых» в теории в смысле простого предложения, так как она затрагивает фундаментальные свойства данной единицы. Значительный круг проблем, обсуждаемых в связи с понятием «связка», касается различных аспектов ее интерпретации: состава связок, функций в предложении, значения связок, их возможной роли в формировании структуры и семантики предложения и нек. др. (см., например, Адмони 1983, Арутюнова 1980, Белоусов 1989, Богданова 1969, Воинова 1971, Голицына 1983, Кузнецов 1980, Лекант 1995, Ломов 1994, Никонова 1975, Печников 1995, Чернов 1971, 1985, Шатуновский 1996, Виечорек 1997, Зимек 1963, Баринава 2011, Васильева 1999, Попова 2013, Колесникова 1971, Филиппов 1970, Душкина 2013, Летучий 2013, Баринава 2011, Тестелец 2008, Шведова 2001, Руднев 2013, Новоженова 2001, 2016 и др.).

Понятие «связка» появилось в грамматике под влиянием логики. Логико-языковые направления трактуют ее как «компонент универсальной логической структуры предложения-суждения, выражающий предикативные отношения между субъектом и характеризующим его атрибутом и образующий совместно с атрибутом предикат» (Арутюнова 1990, 435). Собственно языковое содержание этого термина осмысливается вместе с понятием «составное именное сказуемое», компонентом которого является связка.

Связкой обычно считается незнаменательное или полужнаменательное служебное слово, служебный элемент, основной грамматической функцией которого является указание на предикативные категории. Формальная функция связки – собственно «связывающая», понимаемая как осуществление ею связи между подлежащим и сказуемым, обычно оценивается как второстепенная, «сопутствующая» ее роли «указателя» предикативных категорий. При этом связка может получать оценку как облигаторного, так и необлигаторного компонента структуры предложения. Связка может оцениваться и вне категории предикативности. В этом случае на первый план выдвигается только ее «связывающая» функция – «дополнительное указание на синтаксические отношения между компонентами предложения» (Русская грамматика 1980, 121).

Для классического языкознания, как об этом говорилось выше, характерно признание обязательности (облигаторности) глагольного элемента в предложении, в том числе и связки (Л.Г. Якоб, И. Орнатовский, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов и др.). Примечательно, что именно связка считалась «чистым глаголом» (Л.Г. Якоб), так как она лишена вещественного значения и выражает только глагольные грамматические значения. Все остальные глаголы определялись как «смешанные». Для классического периода развития синтаксиче-

ской теории «общей была тенденция к унифицированному анализу глагольных и именных сказуемых, значение связки рассматривалось как входящее в состав предиката, обычно имеющее с ним совместное выражение» (Аругтюнова 1990, 436).

В современной науке наиболее популярна точка зрения на связку, делающая акцент на функции выражения ею предикативности, которая часто понимается как «основная грамматическая функция связки» (Лекант 1995, 166). В этом случае связка всегда ограничивается только глагольными формами. На основании невозможности выполнять грамматическую функцию выражения предикативности из состава связок исключаются частицы *это, вот* и подобные. Часто, но не всегда, приверженцы данной теории трактуют связку как облигаторный компонент грамматической формы именного сказуемого. Крайняя точка зрения в пределах данной теории заключается в понимании связки как конституирующего элемента сказуемого. «Конституирующая роль в формировании этого (именного – З.Н.) сказуемого принадлежит связке: именно связка (в том числе, конечно, нулевая) наделяет различные словесные формы функцией сказуемого, сохраняя, однако, за собой особое и исключительное право выражения его релевантных грамматических признаков (в формах наклонения и лица)» (Распопов 1973).

В этой синтаксической традиции, развитие которой связано с именем А.М. Пешковского, в состав связок включается отвлеченная связка *быть*, ползнаменательные связки (*стать/становиться, делаться/сделаться, остаться, казаться* и др.), вещественные знаменательные связки (*Она сидела больная* и др.), и, как правило, нулевая связка. Именно А.М. Пешковский (1956: 258–260) указал на нее впервые. Оценка синтаксического нуля как элемента структуры предложения, детерминированность косвенного падежа нулевым глаголом в предложении (синтагматическая зависимость), парадигматическая выводимость нулевого глагола присутствуют в работах таких исследователей, как Е.М. Галкина-Федорук (1962), Г.А. Хабургаев (1962), В.М. Никитин (1963), А.П. Сквородников (1967), Б.Н. Фоминых (1968), Е.Н. Ширяев (1967), О.Б. Сиротинина (1980), П.А. Лекант (1974, 1995) и др.

В рамках этой теории также обсуждается вопрос о специфике вещественных связок-полнозначных глаголов, способных выступать в сказуемом с именными предикативными формами. Так, П.А. Лекант исключает вещественные связки из состава связок в силу их «излишней» лексической наполненности, «мешающей» им выполнять только служебную функцию в предложении (Лекант 1995, 166). В свою очередь квалификация знаменательного глагола только как связочного в конструкциях *Лежит больная; Ушла успокоенная; Ходит раскрашенная; Пришли неподготовленные* подвергается сомнению многими учеными (Мразек 1964, Светлик 1970, Золотова 1973, Сиротинина 1980 и др.). «Вместе с тем, – указывает О.Б. Сиротинина, – глагол не только

сохраняет свое вещественное значение, но и может быть единственным наполнителем сказуемого (*Он лежал; Она ушла*) без изменения значения глагола» (Сиротинина 1980, 56). Некоторые ученые предлагают осмыслить это явление в категориях «языкового» и «речевого» сказуемого (Сиротинина 1980, 59). Именная часть в этом случае квалифицируется как особый второстепенный член – предикативное определение, атрибут – *doplňěk* (Мразек 1964, Bauer, Mrázek, Žaža, 1979, Светлик 1970), дуплексив (Чеснокова 1973).

3. Для иной синтаксической традиции, развивающей взгляды Л.В. Щербы и В.В. Виноградова на природу предложения с именными предикатами, в оценке связки характерен прежде всего отказ от признания ее обязательности в структуре предложения (Н.Ю. Шведова, Г.А. Золотова, Н.Г. Акимова и др.). В этом случае связка лишается своего «основного качества» – главного и единственного показателя предикативности в предложении с именным сказуемым. «Русская грамматика» (1980) и близкая к ней в оценке связок энциклопедия «Русский язык», доведя до логического конца высказанные выше теоретические положения, признают за связками только служебную связывающую функцию и тем самым сильно ограничивают состав связок в языке. Из их состава исключаются глагол *быть* и основная масса полузнаменательных глаголов. Предложения с различными формами глагола *быть* в прошедшем и будущем времени отнесены в область возможных модификаций структурных схем предложения, предложение с полузнаменательными глаголами – в область регулярных реализаций. Предложение типа *Она пришла усталая*, в которых традиционная грамматика видит сказуемое с вещественной связкой, «Русская грамматика» (1980) вообще не обсуждает в связи с понятием «связка»: они квалифицируются по схеме классического глагольного предложения $N_1 - Vf$. Связки, таким образом, ограничиваются словоформами *это, есть* (в энциклопедии «Русский язык» добавляется еще *суть*), сочетанием *это есть*, спрягаемыми формами глаголов *являться, явиться, значить, означать* и нек. др., также специально отмечаются особые связочные образования. Указывается, что «в функции и позиции связки часто используются полузнаменательные глаголы *бывать, стать, становиться делаться, сделаться, считаться, казаться, оказываться* и т.п.» (Энциклопедия «Русский язык» 1997, 451).

4. Те противоречия в оценке связки, которые возникают в теории, являются следствием как двойственной природы самого обсуждаемого объекта, так и следствием абсолютизации, «приоритизации» одного из равноценных качеств глагольного элемента в составном именном сказуемом – функции собственно связки и функции выражения предикативности. Игнорирование одной из сторон явления значительно ограничивает понимание самой природы связки в языке, механизмов организации предложения. Так, на основании общности связочной функции можно рассматривать в одном ряду как

глагольные, так и неглагольные элементы, хотя последние не имеют предикативной функции в предложении. В свою очередь наличие общих грамматических показателей «помещает» связку в один ряд с полнозначительными глаголами, что неоднократно отмечалось в науке. Именно на это обстоятельство указывал В. В. Виноградов, когда писал «все остальные связки (кроме *быть* – З.Н.) представляют гибридный тип слов, совмещающий функции глагола и связки» (Виноградов 1947, 475). Мало того, отмечается, что полнозначные глаголы могут «встраиваться» в систему связочных элементов именно по признаку «связочности». Полнозначные глаголы обладают свойством «связочности», которое «затемнено» в них лексическим значением. Об этом убедительно пишет В.С. Юрченко (1972, 1973, 1980). Глагольное сказуемое, по мнению ученого, выполняет три функции: категориальную, релятивную и модальную. «Релятивная функция глагольного сказуемого состоит в том, что оно служит связующим и опосредствующим звеном в структуре отношения между подлежащим, с одной стороны, и глагольным членом, обстоятельством и дополнением, с другой» (Юрченко 1980, 280). «...В той мере, в какой глагольный компонент теряет свой предикативный признак и базирующееся на нем лексическое содержание, его релятивная функция настолько же обнаруживает себя: глагольный компонент превращается в этом случае в связку» (Юрченко 1980, 250). В.С. Юрченко подчеркивает, что между знаменательным глаголом и связкой нет ясной и четкой границы, «переход знаменательного глагола-сказуемого в связку (и соответственно заглагольного «второстепенного» члена в предикативный член) осуществляется на базе неопределенно большого множества конкретных предложений» (Юрченко 1980, 255).

То, что любой глагол включает в себя «связку», утверждал и Ш. Балли, когда писал: «... Всякий глагол сам по себе выражает или содержит в себе нечто от грамматики, потому что он является связкой или содержит в себе связку» (Балли 1955, 120).

5. О неоднозначности природы связочных элементов и сложной природе их взаимодействия с полнозначительными словами свидетельствует также факт различных интерпретаций связки и глагола *быть*. *Быть* в традиционной грамматике получает достаточно противоречивые оценки: *быть* оценивается как глагольная связка, как неглагольная связка и как не связка. Так, П.А. Лекант (1995) вслед за Л.В. Щербой, В.В. Виноградовым и А.М. Пешковским называет связку *быть* «идеальной» связкой, оценивая ее как центр системы связок – «специализированная связка, служебное слово, безусловно глагольное слово». В.А. Белошапкина вслед за В.В. Виноградовым (1947, 475), в свою очередь, видит в этом компоненте сказуемого особый неглагольный формант: «Служебное слово, имеющее грамматические формы наклонения и времени, подобно глаголу, но не является глаголом, так как оно не обозначает никакого процессуального признака (действия) и не имеет свойственной

всякому русскому глаголу категории вида» (Белошапкова 1977, 89). В данном случае связке отказывается в признаке глагольности на основании прежде всего семантических и некоторых грамматических показателей. «Русская грамматика» (1980) и автор статьи «Связка» в энциклопедии «Русский язык», как об этом уже говорилось выше, определяют спрягаемые формы глагола *быть* как не выполняющие связующей функции и исключают из состава связок: «они вводятся в предложение для выражения синтаксического времени (прошедшего, будущего), а также сослагательного наклонения во всех его синтаксических функциях» (Энциклопедия «Русский язык» 1997, 450). В составе связок оставляется только слово *есть*.

Надо признать, что и при определении статуса связки *быть* в каждом случае отдается предпочтение одному из ее качеств, которое, однако, не отражает полной сущности данного синтаксического явления.

В оценке взаимоотношений глагола и связки *быть*, а также глаголов *быть* и *иметь*, который в некоторых случаях оценивается как связочный (Шатуновский 1996, 86–87), синтаксическая теория также далека от единства. Как правило, глагол и связка *быть* противопоставляются, однако отмечается тенденция их сближения и неразличения прежде всего по семантическому признаку.

Внимание к этим глаголам и оценка их как узловых важнейших элементов в синтаксисе отмечается у Э. Бенвениста (1974), Е. Куриловича (1931), Р. Якобсона (1939), Р. Зимека (1963), Е. Баха (1967) и др. Ш. Балли (1955) оценивал глаголы *быть* и *иметь*, а также *делать* как центры структурно-семантического описания языка. На конкуренцию конструкций *быть* и *иметь* в русском и западнославянских (чешском и польском) языках обращают внимание С. Жажа (1988) и М. Бобран (1993).

Традиционно разграничивается связка *быть* и бытийный глагол *быть* (Арутюнова, Ширяев 1983, Чвани 1975, Падучева 1977 и др.). Считается, что связка *быть* обозначает только категорию времени и модальности, однако у предложений со связкой *быть* есть презумпция (пресуппозиция) бытия предмета, обозначенного подлежащим (*Существует лингвистика; Лингвистика есть наука*). «При экзистенциальном *быть* такой презумпции нет, поскольку существование объекта является содержанием утверждения» (Арутюнова, Ширяев 1983, 26). Однако и это утверждение подвергается ревизии. Так, многие ученые видят '*быть*' в сказуемом любой структуры, не различая «знаменательный» и «связочный» глаголы *быть*: «Нетрудно, однако, видеть, что «связочный» глагол *быть* имеет то же значение бытийности, но ограниченное теперь отнесенностью к какому-либо состоянию («пре-бывать в определенном состоянии»): *буду петь, буду жив, буду связным*» (Печников 1995, 86–87). А.Н. Печников указывает также на процесс синкретизации «значения бытийности и значения действия в одном слове». И.Б. Шатуновский считает

связки *быть* и *иметь* главными в языке, они присутствуют в семантике каждого предложения. Подобная точка зрения на глагол и связку *быть* и у В.В. Гуревича: «*Быть* как связочный глагол содержит отсылку к предикату (признаку, действию), названному в именной части сказуемого (*быть учителем*), в этом значении *быть* представляет собой более частный синтаксический вариант знаменательного бытийного глагола...» (Гуревич 1998, 31).

Именно в таком функциональном понимании отношения связки и глагола *быть* видится возможность продуктивного описания глагольного элемента в предложении, в котором лексическая и грамматическая информации находятся в динамическом взаимодействии, служа формированию предложения. Поэтому не случайно, что развитие теории связки в русской синтаксической науке пошло двумя путями: с одной стороны, наблюдается стремление выявить наличие и природу значения глагольной связки, а также ее содержательную роль в структуре предложения, ее семантический потенциал; с другой стороны, отмечаются вполне плодотворные попытки установить больший, чем это принято считать, круг связочных и «связочноподобных глаголов», функциональную основу возможности и причины «грамматизации» полнзначных глаголов в предложении.

6. Приступая к обсуждению вопроса о семантических функциях, выполняемых связкой в предложении, надо отметить, что большинство ученых считает, что связка выполняет в предложении функцию показателя смысловых отношений. Н.Д. Арутюнова предлагает для обозначения семантической функции связки термин «релятор». Какие же смысловые отношения могут быть выражены связками? По мнению П.А. Леканта, семантическая функция связки заключается в обозначении сущности отношений «предмет-признак» (Лекант 1995, 166). Для Андерсона эксплицитное выражение связки (cop) в поверхностной структуре предложения непосредственно объясняется наличием в семантической структуре предложения признака «статив» (ANDERSON 1971, 59). Эта мысль поддерживается авторами монографии «Актуализация предложения» (1997, т.2: 15-16): «Основное содержание формулы S cop Prv состоит в обозначении статального или, точнее, нединамического признака, приписываемого субъекту, что прежде всего включает в себя такие логические отношения между субъектом и предикатом, как отношение тождества, характеристики, включения в класс и т.д.». Кроме указанных смысловых отношений, называются также модальные – «реальность, мнимость», фазисные – «наличие, становление, изменение и пр.» (Лекант 1995, 166), которые можно считать частными случаями характеристики. В связочных глаголах также видят значение бытия и модификацию этого значения (Голицына 1983, Ломов 1994, 31): в связке имеется значение «бытия признака (в широком смысле слова), который приписывается субъекту-подлежащему (в двусоставном предложении) или констатируется как нечто независимое от его носителя

в односоставном предложении» (Голицына 1983, 20). Общим значением связок, их интегральным признаком является «обозначение способа существования, состояния или качества субъекта», Чвани к такому выводу приходит А. Кузнецов, исследовавший поле глагольных связок (Кузнецов 1980, 110).

Считается, что семантическая функция связок опирается на их лексическое содержание. В свою очередь основным лексико-семантическим признаком связки признается разная степень ее лексической неполноты (незнаменательность, неполнознаменательность). Отмечается также, что связкам присущи номинативная несамодостаточность и неререферентность.

Необходимо отметить, что на трактовку семантической функции связок, их смысловой природы огромное влияние оказывают логико-лингвистические направления в языкознании, где связка понимается как «конститутивный компонент предложения, в логическом представлении которого она занимает вершинное положение» (Арутюнова 1990, 436). Логически ориентированные лингвистические исследования, расширяя понимание связки и связочности в языке, «передвигают» это явление в содержательную область языка.

Примером широкого понимания термина «связки» является семантико-синтаксическая концепция И.Б. Шатуновского, который считает, что «кардинальные семантические различия между основными лексическими классами соответствуют различиям основных синтаксических «ролей», главных компонентов семантико-синтаксической структуры предложения – субъекта, предиката и связки». Автор исследует семантику слов, в значении которых основным или, по крайней мере, вершинным компонентом является 'связка', или, другими словами, компонент 'быть/иметь' (Шатуновский 1996, 5). В концепции И.Б. Шатуновского связка приравнивается к классу слов с реляционным значением. Она является обязательным компонентом семантической структуры предложения (пропозиции): «...в семантической структуре предложения (первичного, синтаксически непроеизводного) имеются в типичном случае не одно, а два 'соединения', две 'связки'. Первое – это соединение предмета и признака, второе – соединение полученного предметно-признакового значения с 'миром'» (Шатуновский 1996: 42), соответственно модальная и диктальная связки. В «привычном» для синтаксической теории понимании связка в исследовании И.Б. Шатуновского получает название собственно связки, связки в «чистом виде» (Шатуновский 1996: 45).

7. Одной из важнейших тенденций в области изучения связочных элементов в языке вообще и в области глагольных связок в частности, как об этом говорилось выше, является попытка осмыслить закономерности пополнения их состава и механизмы, регулирующие этот процесс. Считается, что пополнение состава служебных глагольных компонентов обусловлено процессами в области лексического значения глаголов, которые определяются их функци-

онально-синтаксической ролью в организации предложения. Из характера лексического значения связочных и полусвязочных глаголов часто выводится их особая служебная роль. Отмечается, что знаменательный глагол может получить в предложении статус служебного, вспомогательного, связочного, «полусвязочного» в результате процесса десемантизации, грамматизации. Г.А. Золотова связывает подобные процессы с потерей глаголом акционального значения (ср.: *Пастух ведет коров к реке* – *Учитель ведет опрос учеников*) (Золотова 1994, 91), что вызывает ослабление в них лексического значения и появление функциональной вспомогательности. Релевантность данного значения для связки подчеркивается Я.Г. Тестельцом (2008), А.Б. Летучим (2013). П.А. Лекант также связывает процесс перехода полнзначных глаголов в связки и связочноподобные элементы с их переосмыслением и грамматизацией. «Лексическая семантика связочных слов переосмысливается: они сохраняют категориальное значение процесса, создаваемое глагольными формами, но не называют конкретные действия; семантика связочных глаголов грамматизируется» (Лекант 1995, 16). «Принципиальное же различие их (связки и глагола – З.Н.) заключается не в степени отвлеченности лексического значения, а в грамматизаций его или в отсутствии таковой в составе сказуемого» (Лекант 1976, 93). Грамматизация связки заключается в том, что глагол-связка полностью, т.е. и своими формальными показателями, и основой участвует в выражении грамматических значений, свойственных составному именному сказуемому: в выражении модального и временного значения сказуемого; зависимости сказуемого от подлежащего, а также в выражении связкой не значения действия, а модальной оценки отношения признака к субъекту. Признается, что «разграничить собственно связки и «вещественные» связки непросто, что категория глаголов-связок не является замкнутой, обособленной, тем более что грамматизация глаголов – процесс продуктивный» (Лекант 1976, 95).

Продуктивность процесса грамматизации глагола и усиление его служебной, вспомогательной роли отмечается также рядом исследователей (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, М.В. Всеволодова, В.В. Гуревич, Е.Л. Кривченко, Е.М. Лазуткина, З.Л. Новоженова, Т.В. Шмелева, В.С. Юрченко). Среди глагольных связок и «связочноподобных» вспомогательных глаголов называются такие, например, глаголы, как *называться*, *обозначать*, *весить*, *стоять*, *знать*, *думать*, *видеть*, *чувствовать*, *стоять*, *существовать*, *быть*, *работать*, *производить*, *происходить* и др.

В синтаксических исследованиях отмечены также плодотворные попытки выявить и терминологически закрепить специфику и специализацию функции вспомогательных глаголов в предложении. Кроме традиционно отмечаемой функции связки для служебных вспомогательных глаголов выделяются также функции компенсатора, модификатора, компликатора (Г.А. Золотова),

экспликатора (Т.В. Шмелева), релятора (Н.Д. Арутюнова), «просветленной» связки (М.В. Всеволодова).

Обсуждая вопрос о расширении круга связочных и вспомогательных элементов в языке, уместно вспомнить концепцию Л.В. Щербы (1974), согласно которой отрицается абсолютность границы между знаменательными и служебными словами. Круг строевых элементов оказывается, по его мнению, гораздо шире, чем круг традиционных служебных слов. Констатация факта наличия в русском языке процесса десемантизации – «грамматизации» глагола в предложении, обретение им служебной, вспомогательной роли является чрезвычайно важным не только для понимания природы глагольной связки, но и функции глагола в предложении вообще.

8. В целом разная степень эксплицитности/имплицитности связки в предложении может рассматриваться как проявление разной степени «расщепленности» в предложении предикатной (пропозитивной), актуализационной (предикативной) и копулятивной (связующей) информации (функции) (Новоженова 2001, 2016). Динамика взаимоотношений связки/глагола и предложения регулируется ситуацией изсемичности/неизосемичности (изоморфности) структурно-семантических свойств глагола и структурно-семантических свойств предложения. В ситуации изосемичности в глаголе фокусируются все указанные функции, что дает глаголу в полной мере реализоваться в предложении как лексико-грамматической единице в своем основном частеречном значении, в полном объеме грамматических категорий и в полноте лексико-семантической структуры слова. В этом случае глагол выступает как изосемичный глагольный предикат базовых моделей предложения, ориентированных на выражение определенных пропозитивных смыслов (типовых значений предложения). В глаголе становится релевантным индивидуальное лексическое значение, определяющие его прогнозирующие свойства дистрибуцию, и в конечном итоге, синтагматическое устройство конструкции.

Неполнознаменательные (неполнозначные) в системе языка глаголы-связки или десемантизирующиеся глаголы (Новоженова 2003), находящиеся в разной степени удаленности от фокуса изосемичности, самостоятельно не формируют пропозиции, а «поддерживают» предикатную роль имени (*Брат был учителем, Зима стояла холодная, Хирург проводит операцию, Окна выходят на улицу*). В неизосемичном глаголе «обозначаются», «проясняются» актуализационная и копулятивная функции. Такая интерпретация свойств связки/глагола и предложения представляется нам достаточно гибкой, дающей возможность снять «противоречия» между предложением и его строевыми элементами во всем комплексе их структурных и семантических свойств.

9. Таким образом, анализ круга проблем, связанных с глагольной связкой, показал, что синтаксическая теория фиксирует неоднозначную и многомер-

ную природу глагольного слова в предложении и его значимого отсутствия, что, как указывал Р. Мразек, является важной, национальной чертой русского синтаксиса. Вместе с тем синтаксическая теория ищет возможные пути решения этой проблемы на основе функционально-семантического осмысления данных явлений.

Наличие такого количества «разночтений» в области теории глагольной связки свидетельствует о многомерности самого явления, связанного прежде всего с многофункциональностью глагольного слова в предложении, получающего различную интерпретацию в зависимости от методологических позиций авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арутюнова, Нина Д. 1990. Предикат. *Лингвистический словарь*. Москва.
- Арутюнова, Нина Д. – Ширяев Евгений Н. 1983. *Русское предложение. Бытийный тип*. Москва.
- Балли, Шарль. 1955. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Москва.
- Белошапкова, Вера А. 1977. *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва.
- Виноградов, Виктор В. 1947. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Ленинград.
- BAUER, Jiří – MRÁZEK, Roman – ŽAŽA, Stanislav. 1979. *Příruční mluvnice ruštiny 2*. Praha.
- Голицына, Татьяна Н. 1983. *Служебные (связочные) глаголы русского языка и их полноточные соответствия.*: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Воронеж.
- Гуревич, Валерий В. 1998. *О субъективном компоненте языковой семантики*. Вопросы языкознания. № 1.
- Золотова, Галина А. 1994. *О новых возможностях лексикографии*. Вопросы языкознания. № 4.
- Кузнецов, Алексей М. 1980. *Структурно-семантические параметры в лексике*. Москва.
- ЛЕКАНТ, Павел А. 1976. *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*. Москва.
- ЛЕКАНТ, Павел А. 1995. *Связка в грамматической системе русского языка, Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова. Тезисы докладов*. Москва.
- Летучий, Александр Б. 2013. *Свойства нулевой связки в русском языке в сопоставлении со свойствами выраженного глагола*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. № 12 (19).
- Ломов, Анатолий М. 1994. *Типология русского предложения*. Воронеж.
- MRÁZEK, Roman. 1958. *Проблема сказуемого и его классификации (на материале русского и чешского языков)*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1958, vol. 7, iss. A6, pp. 10–34. Brno.
- MRÁZEK, Roman. 1961. *Синтаксические отношения и члены предложения*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1961, vol. 10, iss. A9, pp. 47–60. Brno.
- MRÁZEK, Roman. 1964. *Синтаксис русского творительного падежа (структурно-сравнительное исследование)*. Praha.

- MRÁZEK, Roman. 1990. *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков : исходные структуры простого предложения*. Vyd. 1. Opera Universitatis Purkynianae Brunensis. Brno.
- НОВОЖЕНОВА, Зоя Л. 2003. *Десемантизация и лексикализация глагола в предложении*. Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ, Санкт-Петербург
- НОВОЖЕНОВА, Зоя Л. 2001, 2016. *Русское глагольное предложение: структура и семантика*. Słupsk, изд. 2, УРСС. Москва.
- Печников, Андрей Н. 1995. *К принципам синтаксической организации предложения*. Вопросы языкознания. № 6.
- Пешковский, Александр М. 1956. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Распопов, Игорь О. 1973. *Очерки по теории синтаксиса*. Воронеж.
- Русская грамматика*. 1980. Т. II. Синтаксис. Москва.
- Русский язык*. Энциклопедия. 1997. Изд. 2-е. Москва.
- Сиротинина, Ольга Б. 1980. *Лекции по синтаксису русского языка*. Москва.
- Тестелец, Яков Г. 2008. *Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке* // Розина Р. И., Кустова Г. И. (ред.). *Динамические модели: Предложение*. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. Языки славянских культур. Москва.
- Шатуновский, Илья Б. 1996. *Семантика предложения и нерелевантные слова*. Москва.
- Юрченко, Василий С. 1980. *Глагольное и именное сказуемое, их функции и соотношение*. Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. Москва.
- ANDERSON, John. 1971. *The Grammar of Case. Towards a Localistic Theory*. Cambridge.

Zoya Novozhenova

Institute of Russian and Eastern Studies

University of Gdańsk

ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk

Poland

zoja.nowozhenowa@ug.edu.pl

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-NC-ND 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as image or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.